

НАША СТРАНА

Год издания—44-ый. Буэнос Айрес, суббота 9 ноября 1991

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 9 de noviembre de 1991 № 2153

И. Андрушкевич

СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ИДЕЙ

14 сего ноября исполняется сто лет со дня рождения основателя и первого редактора "Нашей Страны" Ивана Лукьяновича Солоневича.

И. Л. Солоневич родился в селе Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии, в Белоруссии, в семье крестьянского происхождения. Таким образом, по происхождению он был крестьянином, русским крестьянином. (В данном случае, глагол "быть" выражает неизменную сущность, бытие, а не только пребывание. "Пребываний" у И. Л. Солоневича, как и у многих современных россиян, было не мало. Пребывал он в звании спортсмена, в звании журналиста-публициста, в звании "зека" и "врага народа" и, даже, в звании "интеллигента"). Однако, одной ссылки на крестьянский корень все же недостаточно, для того чтобы полностью охарактеризовать глубинную суть личности Ивана Солоневича, даже если при этом перечислить в добавок и все его пребывания.

Несомненно, что главной характеристикой Ивана Солоневича, помимо его русскости и помимо его крестьянства, является его принадлежность к чрезвычайно редкой категории мыслителей. Именно так он и воспринимается сегодня в России. (Во всей России, а не только в одной из многих искусственно, незаконно и не демократическим путем созданных из расчлененного тела России "советских социалистических республик". Иван Солоневич был мыслителем России, а не только лишь Белоруссии).

Как можно вкратце уточнить эту главную характеристику Ивана Солоневича, характеристику мыслителя, для того, чтобы одновременно лучше понять его значение и роль?

В моей статье "Характер и корни русской политической мысли" (Наша Страна номер 1356-1357, от 2 марта 1976 г.), подробно перечисляются и разбираются многие возможные виды мысли, как то: религиозная мысль, мифическо-поэтическая мысль, практическая и прикладная мысль, мудрость или жизненный опыт и даже молитва. (Испанский философ Ортега и Гассет считает, что первой формой мысли является молитва: "Молитва — это форма и техника мысли"). Лишь приблизительно 25 веков тому назад появляется чисто рациональная мысль, мысль философская и научная, которую в рамках западно-европейской культуры весьма часто считают единственным видом мысли. В зависимости от объекта, предмета, на который направлена рациональная мысль, мы будем иметь дело или с философией или с разными видами научной мысли.

Предметом политической мысли является политика. И вот, как раз в области политической мысли (и в смежных с нею областях, как, например, в области исторической мысли), рациональная мысль как-бы снова срывается в до-рациональное состояние. Именно в этом последнем явлении и заключается, с одной стороны, трагедия современного состояния политической науки, и одновременно, с

другой стороны, чрезвычайная важность таких политических мыслителей, как Солоневич.

Дело в том, что само зарождение рациональной, научной мысли вытекало из желания узнать правду. Правду о мире — до Сократа, а также и правду о человеке — после Сократа. Но что такое правда? Греческое слово "алейта", которым греческие мыслители — первые рациональные, научные мыслители — называли правду, на самом деле обозначает "снятие покрывала", буквально "открытие". Правда — это раскрытие действительности, снятие покрывала скрывающих ее от нас. Поэтому Платон называет философов (любителей мудрости, но не обладателей ею) "филотеамонес" — "любителями смотреть, зреть", или, как бы мы сегодня сказали, употребляя тот же корень, "любителями театра". От этого же корня происходит и "теория", буквально "созерцание". Поэтому, схоластики и определяют истину, как соответствие между мыслью и действительностью, aequatio rei et intellectus.

Однако, такое раскрытие, открытие действительности, для ее созерцания, а затем и отбора существенного от несущественного (intellectus происходит от inter + legere = между + выбирать), с последующим обобщением, требует известной техники. И вот, на заре рациональной мысли, возникает искушение, подразумевать под мыслью не весь процесс созерцания действительности, с последующими логическими выводами из этой действительности, а всего лишь саму технику логических выводов. Вместо созерцания действительности, мысль обращается вспять на созерцание своей собственной техники и своих собственных отвлеченных конструкций. Появляется сословие ремесленников такой техники, сословие известное в истории под названием софистов. Уже не действительность является предметом и мериллом мысли, а сама мысль становится предметом своего собственного созерцания. Сам человек, со своими мыслями, домыслами и даже суемыслиями, становится меркой и мериллом для всей действительности, согласно известной фразе софиста Протагора.

В области политической мысли происходит аналогичный процесс. У Аристотеля есть интересное место, где он перечисляет три типа творцов политических учреждений: политики, идиоты и философы. (Политика, 1266 а, 31, 32). Испанский философ Юлиан Марияс, в предисловии к своему переводу "Политики" дает исчерпывающие комментарии к этому перечислению.

"Первая форма политической мысли" является технической мыслью самих политиков, или, вернее, государственных деятелей, говорит Марияс. Эта мысль является творческой, но творческой на фундаменте исторической и социологической действительности. Ее классическим примером является создание римской государственности в царский и консульский периоды.

Вторая форма политической мысли появляется позже. Она "типично рационалистическая" и одновременно "действует в пустоте, без соприкосновения с политической действительностью", говорит Марияс. Она присуща профанам в политике (по гречески "идиотам"). Ее рационализм не относится к созерцаемой действительности, а к фикциям. Вместо теории о "традиционной действительности... распространяется широкая теория о фиктивных режимах", которые сопоставляются на равных правах с традиционными историческими режимами. Через две тысячи лет, Декарт — по словам Ортега — совершает революцию в философии, выводя всю действительность из сознания, из внутреннего "я". Вслед ему возникает множество идеологических утопий, не абстрагируемых из действительности, а выводимых из этого внутреннего "я". Как пауки тянут из самих себя свою паутину, так идеологи тянут из себя свою "пошлейшую" идеологическую паутину, чтобы ею опутать действительность, говорит Ортега. "Берут палец и высасывают из него "идеологию", достают ротатор и становятся вожжами", скажет Иван Солоневич. (Народная Монархия. Стр. 31). Зарождается идеологический волонтаризм в политике. Одновременно, в области права немецкая школа проповедует, что право не предшествует государству, не вытекает из "этоса" (нравов), не связано ни с естественным ни с трансцендентным правом (полученным через Откровение, как, например, Синайское Законодательство), а создается произвольно самим государством. Это и есть "теория" для оправдания "законодательства" Ленина и Гитлера.

И, наконец, третья форма политической мысли имеет своей целью разобрататься в этом беспорядке, отсеять фикции, установит историческую правду, "для того, чтобы восстановить систему верований, действующих в обществе, которая бы сделала возможным сожительство в городах". (Julian Marias. Вступление к переводу "Политики"

Аристотеля. Мадрид. 1970).

К этой третьей категории мыслителей и относится Иван Солоневич.

Именно поэтому, творчество Ивана Солоневича сегодня вдруг взорвалось с такой силой в нашей стране. В затхлую и зловонную атмосферу утопических идеологий вдруг ворвалась свежая струя чистого воздуха.

Капитальный труд Ивана Солоневича "Народная Монархия" содержит 490 страниц. Из них 280 посвящены описанию нашей исторической действительности (Киев и Москва — 125 страниц, Москва — 90 страниц, Петр Первый — 70 страниц), 90 страниц посвящены анализу этой действительности и лишь 100 страниц основным положениям, то есть логическим выводам из этой действительности.

"Прежде всего необходимо установить факты", вот основной критерий Солоневича (Там-же, стр. 14). И в первую очередь факты нашей русской истории. "Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, — неприменимы для путей русской государственности, русской национальности, русской культуры". (Стр. 16). "Русская политическая мысль может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит из русских предпосылок — исторических и прочих". (Стр. 23, всюду подчеркнуто Солоневичем).

И вот, исходя из этих недвусмысленных фактов нашей русской истории, Солоневич делает самый главный обобщающий вывод: "Политической организацией русского народа, на его низах, было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было самодержавие". Это "исключительно и типично русское явление... это не диктатура аристократии под вывеской "просвещенного абсолютизма", это не диктатура капитала, сервируемая под соусом "демократии", не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это диктатура совести, в данном случае православной совести". (Стр. 56). "Термин "соборная монархия" обозначает совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом". (Стр. 105).

Иван Солоневич объясняет это превосходство царской власти: "Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия — промышленники создадут плутократию, военные — милитаризм, духовные — клерикализм, а интеллигенция любой "изм", какой только будет в книжной моде в данный исторический момент". (Стр. 374).

Комплекс этих мыслей Ивана Солоневича, как написал в журнале "Кубань" Игорь Дьяков, является "единственно спасительным для России комплексом идей".

И. Андрушкевич

В воскресенье 10 ноября с. г., в 16,30 часов, в зале дома ОРЮР, в буэносайресском пригороде Оливос на улице Буэнос Айрес 2655, будет отмечен

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

Совещание Русских Белых Организаций в Аргентине

ВСПОМИНАЯ БАТЬКУ...

Единственный сын И. Л. Солоневича, Юрий Иванович, бежал вместе с ним в 30-х годах из советского концлагеря в Финляндию, а оттуда последовал за отцом в Болгарию, где Солоневичи жили и издавали газету «Голос России», откуда 3-го февраля 1938 года в их доме не взорвалась адская машина убившая жену Ивана Лукьяновича Тамару Владимировну и секретаря редакции Николая Михайлова. В те годы Юрий Иванович писал в газетах своего отца и даже опубликовал книгу о жизни в советской России: «Повесть о 22-х несчастливых».

Переехав с отцом в Аргентину в 1948 году, Юрий Иванович отправился затем с женой-финкой (по профессии скульптором) и дочкой в США. Первое время после смерти Ивана Лукьяновича, он еще писал в «Нашей Стране», но вскоре, по его же словам, «вдребезги разругался с тогдашним издателем газеты Всеволодом Константиновичем Левашевым-Дубровским».

После этого Юрий Иванович прочно и надолго — почти на сорок лет — ушел из жизни Российского Зарубежья и только в этом году, в связи с появившимся в России интересом к трудам его отца, он снова вступил в контакт с «Нашей Страной».

Работал Юрий Иванович всю жизнь художником, проживает ныне в местечке Роанок, в американском штате Вирджиния, в четырех часах езды от Вашингтона. Дом его — с баней, разумеется — совсем потерян в горах, в самой красивой, южной части Вирджинии и стоит он на Solonewitsch Road, то есть на улице Солоневича. Сыну Ивана Лукьяновича в настоящий момент 75 лет. С ним беседовал молодой сотрудник «Нашей Страны» Андрей Раевский, приурочивший это интервью к 100-летию со дня рождения автора «Народной монархии».

— Как это у вас случилось, что после такой бурной, интенсивной политической жизни, после бегства из СССР, покушений, войны, вы так полностью отошли от всего?

— Устал от всего этого, эмигрантского... Еще с тех времен когда батька бился об лед, пытаясь переставить эмиграцию с одних рельс на другие. Старая русская эмиграция, в особенности закостенелая правая, как батька считал, портила больше, чем помогала. И поэтому он поставил свою газету в самом начале в Софии, Болгарии. Парижская эмиграция совершенно тогда прогнила к чертям. И батька это пытался расчистить. Он это называл обезвздориванием.

— Каковы именно были взаимоотношения между вашим отцом и русской эмиграцией?

— Во-первых, как вы знаете, в русской эмиграции было 25 тысяч организаций. Были и монархические и немонархические и просто просоветские. И были так называемые «штабс-капитаны», которые в батьке души не чаяли. Все это было бестолково.

— Что вы хотите сказать?

— Эмигрантская политика не стоила выеденного яйца, потому что страны-то не было, народу не было никакого. Это все были разговоры. Впрочем то же самое случилось в свое время с французской эмиграцией, или немецкой. Заниматься политикой не имея под ногами какой-то более или менее твердой почвы — дело безнадежное.

— Но у вашего отца все-таки была почва...

— Было штабс-капитанское движение. Вот и все.

— А сейчас вы чем-нибудь занялись бы?

— Нет. Это будет та же самая склока и бестолковость, без каких бы то ни было шансов на успех.

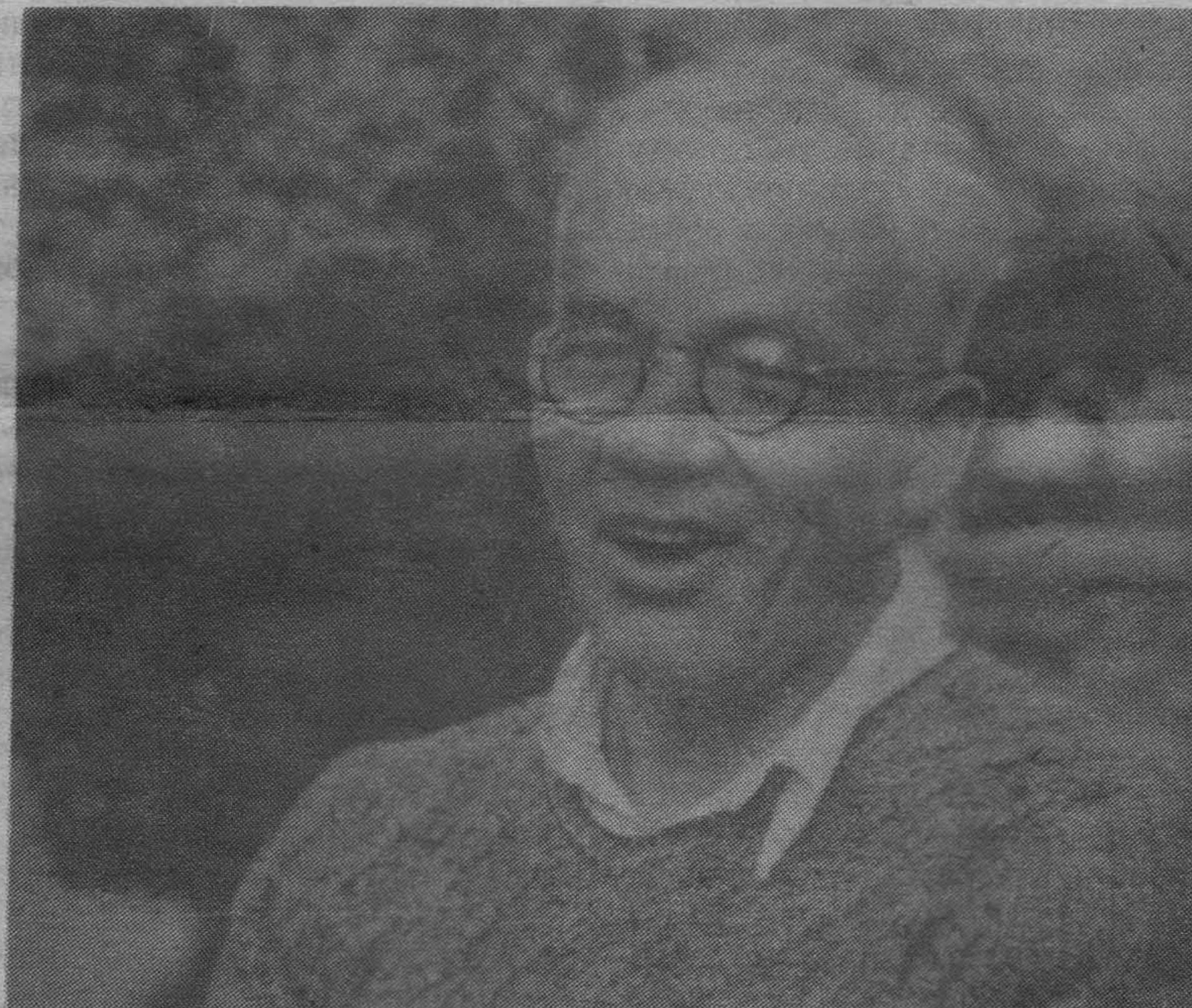
— По вашему выходит, что Иван Лукьянович старался зря...

— Нет, в целом он старался не зря, но что касается эмиграции это конечно было зря. То, что он сделал действительно важное, это то, что он создал народно-монархическую теорию. До него монархия вышла было из моды целиком и полностью.

— Почему у Ивана Лукьяновича был конфликт с РОВСом?

— Потому что в то время РОВС был битком набит советскими провокаторами. И он с ними боролся. Вот был в эмиграции такой бывший совет-

ский летчик Унишевский, совершенно замечательный парень, безусловный монархист, молодой, сильный, направленный и он считал, что обязан что-то делать. У него с батькой были долгие разговоры. В один прекрасный день он пришел и заявил, что он едет в Россию. — «Что ты там будешь делать? — Проводить агитацию и пропаганду». Унишевский видно не знал толком, что делать. Это было очень типично для тогдашней русской эмиграции — все были рады положить свою жизнь за Россию. Но когда дело доходило до конкрет-

Иван Лукьянович Солоневич

ных идей, они толком не знали.

— Однако вернемся к Унишевскому...

— Сразу после своего переезда в Болгарию батька стал писать в газете, раскрывать советские провокации в русской эмиграции. А их было огромное количество. По тем временам советы очевидно считали, что эмиграция представляет из себя силу. И они многое делали, чтоб ее обессилить. Так вот, Унишевский в конце концов поехал из Берлина в Болгарию, где представитель РОВСа капитан Фосс должен был дать ему моторную лодку, на которой он собирался поехать в Одессу. Но по дороге Унишевскому что-то пришло в голову и он повернул обратно. Приехав в Берлин он зашел к генералу Бискупскому, представлявшему тогда русскую эмиграцию в Германии, и тот ему показал групповую фотографию советских агентов в Юго-Восточной Европе, сделанную не знаю кем. На фотографии Унишевский узнал того же капитана Фосса...

— Вы чрезвычайно отрицательно отзывались о русской эмиграции, но тем не менее она как-то боролась. А вот вы видите позабыли ту клятву, которую сделали на могиле матери — «идти до конца».

— Это не было на могиле матери. Это было в нашем доме, который был наполовину развален после взрыва бомбы.

— Расскажите об обстоятельствах этой клятвы.

— Когда эта штука бахнула, то выворотила все, все внутренние перегородки, выбила все двери, окна. У нас была одна большая комната, вокруг

секретной полицией. Они совали свой нос во все. Я не знаю чего они в сущности искали, но перебирали каждую бумажку, ничего в них не понимая. В этот момент вошел какой-то тип и говорит: «Ваша мама только что померла». Батька тут стоит. А у них же была, как они говорили, любовь с первого взгляда. И тогда он обнял меня и сказал: «Ну, Юрка, мы с тобой идем до конца». И я сказал: «Да, идем до конца». Какой конец — неизвестно. Я сперва этого в сущности придерживался, но дело в том, что я не видел как это для меня применить, потому что у меня его талантов нет. Я так писать не могу. Он знал историю, понимаете, как свой карман. А я? Какой же я вообще писатель и, в особенности, политический?

— Но у него решительность от бомбы не пошатнулась же...

— Нет, нет, абсолютно... Батька никогда под стол не прятался. Он действительно шел до конца. Его устроить было нельзя. Наоборот, это даже еще больше убедило его в необходимости переть дальше.

— Это было первое покушение?

— Да. До этого были предупреждения, туманные, без никаких данных.

— Были ли угрозы?

— Нет, как таковых не было. Им требовать было нечего. Что они могли ему сказать? Чтоб прекратил заниматься политикой? А после бомбы 3-го февраля 1938 года Болгария не могла нам гарантировать безопасность. Страна-то маленькая. И мы решили переехать в Германию. В это время это была единственная антисоветская страна во всем мире.

— Но покушения со стороны советской власти продолжались?

— Были. И не одно. В одной только Германии было шесть покушений. Одна бомба взорвалась в Гамбурге. К счастью никого не убила, но могла. Это было в большом зале, где 6 тысяч людей должны были собраться через четверть часа. И она бабахнула из-под кафедры, где батька должен был говорить.

— Как же Иван Лукьянович уживался в Германии?

— В 38-м году, когда мы туда попали батька написал меморандум Гитлеру — 36 страниц, в котором он предсказал будущее до такой степени точно, что жутко становится.

В нем он сказал: много было таких, которые пытались Рос-

нее 4 или 5 мелких и был коридор длинный, метров в 20, который вел к батькиной спальне. Бомбу принесли рано утром. Немка-кухарка открыла дверь и приняла этот пакет, мол книги для господина Солоневича. Она поставила пакет на большой стол, стоявший посередине главной комнаты.

— А вы где были?

— Я спал в соседней комнате. Большая стеклянная дверь вся вылетела на меня. Как раз перед взрывом я проснулся и натянул одеяло на себя. Когда все это уже прошло, я пошел посмотреть на свою кровать и увидел, что вокруг моей подушки все было утыкано разбитым стеклом. Повезло...

— Кто был с вами в доме?

— Мама, батька, я и секретарь, Колька Михайлов, который был моим лучшим другом. Да и эта немка. Батька был в своей спальне, далеко, так что до него ничего не дошло. Кольку Михайлова разорвало на такие клочки, что и хоронить нечего было. И тут всё сразу было наполнено болгарской

сию завоевать — ничего у них не вышло. И не вышло потому что они совершали всегда одну и ту же ошибку: они были против русского народа. Если бы они поставили бы себя на сторону русского народа, то и тогда было бы трудно, но хоть бы был шанс. А воевать против русского народа это значит, что вы будете идти до Владивостока и на пути каждый куст будет стрелять. И на каждом мосту придется оставлять часовых. А конец будет — наполеоновский.

— **Была ли реакция на этот меморандум?**

— Никакой. Мы даже не знаем толком читал ли его Гит-

Ю. И. Солоневич с сотрудником «Нашей Страны» Андреем Раевским

лер или нет. Однако Гиммлер, например, понимал, что немец просто не хватит, чтоб завоевать всю Россию. Батяка считал, что если уже ничего в немецкой политике изменить невозможно, то нужно хотя бы постараться розенберговскую линию как-то подавить. Поэтому он старался немцам объяснить, что антирусское направление приведет к поражению.

— **Какова была позиция Ивана Лукьяновича по отношению к НТС?**

— Что это все неизбежно привело бы к диктатуре. Он считал, что это хорошие русские мальчики и девочки, идеалисты, энтузиасты, а ведет их клика жаждающих власти людей. И никакой новой политической теории у них не было. Что-то там слатали, взяли отсюда кусочек, оттуда кусочек. Приди они к власти, они только могли бы продержаться на штыках. Но откуда они бы взяли штыки я не знаю. Да и они сами не знали.

— **В НТС есть внутренний бюллетень «Встречи», только для солидаристов, и в одном из его выпусков было написано, что ваш отец когда-то хотел вступить в НТС, но ему отказали потому что он ставил как условие, что он станет во главе этой организации.**

— (Смеется). Абсолютное вранье. Правда НТС помог нам перебраться из Финляндии в Болгарию, потому что финны сразу сказали батяке: живи, но политикой не занимайся. А он только ей и хотел заниматься. Но НТС помог нам перебраться с

тем, чтоб взять нас в свои руки. Они и постарались подвинчивать гайки: это да, а это нет. С батякой же это было невозможно.

— **А какой у него был характер?**

— С батякой было невероятно легко ужиться. Он никогда ни с кем не ссорился, кроме как по политике. Однако он постепенно осознал, что на поприще эмигрантской общественной деятельности ему делать нечего. А что монархия требует хорошо продуманной теории. И он стал ее создавать. Он свое чтение на это направил, и бесконечные разговоры и споры, типично эмигрантские, или вернее, типично русские. В конце концов он хорошо создал теорию. Но пойдет ли всё по этой теории или нет, вилами по воде писано.

— **А как относился Иван Лукьянович к религии?**

— Моя точка зрения такая, что если уж быть религии, то конечно лучше православия не найдешь. У нас солнечная религия, всепрощающая такая, добрая, милосердная. Если сопоставлять с католицизмом, то и разговора быть не может. Это его тоже точка зрения была. То есть это была батякина точка зрения, которую я перенял.

— **А в чем он видел главный корень революции?**

— В «Диктатуре импотентов» он это разрабатывает довольно подробно. Но в основном, конечно, то, что нарушена была чисто русская линия монархии, преемственность. За это он винит Петра. И потом конечно дворянство. Крепостное право. Кстати, читая «Нашу Страну» создается впечатление, что монархическое движение в России растет и ширится. Так оно и есть?

— Да. Так точно.

— **На основании чего вы судите?**

— На основании личных связей с единомышленниками в России, на основании публикаций в отечественной прессе. В «Нашем Современнике» довольно много монархического материала, в «Литературном Иркутске». Есть молодые журналисты монархически настроенные. Кстати, они все знают книги вашего отца. Очень ими заинтересованы.

— Самиздат?

— Нет, книги они получили из-за границы. В частности «Народная монархия» ходила по рукам в России. Не предлагали ли вам ее переиздать?

— Редактор «Нашего Современника» Куняев мне позвонил, когда он был в Нью-Йорке. Затем я переписывался с ним на тему о том, чтоб издать «Народную монархию» и в особенности «Россию в концлагере». Я в феврале совсем было собрался ехать в Россию издавать там «Народную монархию», но потом вижу на телевидении, что Ельцин написал какую-то книгу, а издать ее нельзя потому что невозможно получить бумагу. Уж если и Ельцин не имеет бумаги, то только разве если я ее сам с собой привезу...

— **Как вы относитесь к монархическим настроениям в**

сегодняшней России?

— Я сам монархист. Другого ничего нет. Дерьмократия в России не пойдет. Как говорили: где двое русских, там три разных мнения. И каждое из них будет защищаться до последней капли крови. В русском языке слово компромисс — грязное слово...

— **Каковы ваши самые сильные воспоминания об отце?**

— Вот подождите пока я закончу мои воспоминания. У меня целых десять страниц написано (смеется). Это не будет книгой. Я думаю всего страниц сто на пишущей машинке. Или даже меньше. Вот когда у меня наберется две-три главы для биографии, я пошлю их в «Нашу Страну». Но мой стиль может не подойти.

— **Вы же автор «Повести о 22-х несчастьях». С тех пор, что вы еще написали?**

— Я написал несколько статей в «Нашей Стране», но потом по-русски вообще не писал. А по-английски я писал.

— **Что именно?**

— Философские статьи, о социализме. То есть все же о политике. Я считаю, что политика, к сожалению, самое главное, самый важный двигатель всего. Она решает всё. Это она приводит к прогрессу или, наоборот, к революциям. Философия тоже, но я думаю, что она свой век отжила. Батяка, между прочим, философию терпеть не мог. И у меня то же самое отношение. Читаешь книгу — это как лезть на гору. Язык у них корявый, длинный, трудно понять, что он хочет

переведена на другие языки не была.

— **А «Диктатура слоя»?**

— Это глава «Диктатуры импотентов», а не отдельная книга. По крайней мере она так была задумана.

— **Сохранились ли у вас какие-нибудь материалы вашего отца?**

— Да. У меня есть две картонки.

— **Неопубликованных материалов?**

— Я не знаю, что из них напечатано, а что нет. Сейчас это установить будет почти невозможно. Среди них нет почти никаких законченных произведений. Это главным образом статьи. С другой стороны, моя мачеха, немка, когда переехала из Уругвая в Нью-Йорк, привезла с собой большой ящик, деревянный, полный всякой всячины. Там были и рукописи и полные комплекты «Голоса России» и «Нашей Страны». Там было масса материала. Но приехав в Нью-Йорк, она поселилась в Наяке и во время одного из переездов, с одной квартиры на другую, оставила этот ящик в подвале у знакомых. Через год в этом месте было наводнение и когда она пришла за своим ящиком, ей сказали, что все выкинули потому что все замочило и стало вонять. Так что ничего из этого ящика не осталось. Это великая потеря, потому что там были вещи бесценные.

— **Я предлагаю имеющиеся у вас материалы передать «Нашей Стране». Ведь будет жаль, если не дай Бог это тоже потеряется при,**

Художник Юрий Иванович Солоневич

сказать, а когда в конце концов вы все-таки поняли, то видите, что понимать-то не стоило. Это — в большинстве случаев.

— **Какой труд вашего отца вы считаете его самой большой творческой удачей?**

— Все-таки «Россия в концлагере» лучшее, что он когда-либо написал — с точки зрения литературной. Но я бы сказал, что «Народная монархия» важнее. И «Диктатура импотентов» тоже. «Диктатура импотентов» имеет значение в мировом масштабе, как обличение социализма. Но эта книга никогда

скажем, другом наводнении...

— Хорошо, я вытащу эти коробки, как только будет время и посмотрю всё толком. Если вообще буду печатать, то конечно в «Нашей Стране».

— **Кстати, вы уже несколько месяцев получаете «Нашу Страну». С чисто политической точки зрения, выявляет ли она дух вашего отца?**

— Никаких статей, которые были бы поворотными я в ней не нашел. Так что я полагаю, что она согласна с батякиными тезисами.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПРИНЦ АЛЕКСАНДР

Нам пишут из Белграда:

Наследник югославянского трона, принц Александр Карагеоргиевич, намерен взять на себя роль посредника между хорватскими повстанцами и сербами. Прибыв в Белград, принц обратился к народу, который в количестве 70.000 собрался на одной из центральных площадей этого города. В своей речи он объявил, что представляет себя не только как регулирующим фактором в деле установления прочного мира, но и как альтернативу существующему президенту Слободану Милошевичу.

БОРИС БАШИЛОВ

Нам пишут из Москвы:

Вышел в свет девятый выпуск «Русского рубежа» — приложение к еженедельнику «Литературная Россия». Открывают его три фрагмента из книги покойного сотрудника «Нашей Страны» Бориса Башилова «Незаслуженная слава. Мысли внутреннего эмигранта о русской интеллигенции», вышедшей в Буэнос-Айресе в 1954 году. Автор полагает: «Непримиримость к инакомыслящим и склонность к самоистреблению — эти две характерные черты русской интеллигенции проходят красной нитью сквозь всю историю русской интеллигенции, от Белинского до большевиков».

И ПАМЯТЬ И СКОРБЬ

Нам пишут из Владивостока:

Здесь в помещении Приморской писательской организации, ассоциация «Единение» провела вечер памяти и скорби по убиенному Императору Николаю Второму и его Августейшей Семье. Осуждение екатеринбургскому злодеянию прозвучало и в словах выступавших, и в проповеди отца Валерия. При зажженных свечах, под иконой, собравшиеся могли прочесть высказывание Императора о его непоколебимой вере в то, что судьба России, его собственная судьба и судьба его семьи в руках Господа и что он не имел иной мысли, как служить родной стране.

ФАЛЬШИВЫЙ КОНГРЕСС

Нам пишут из Челябинска:

В ответ на письмо Олега Красовского (см. «Наша Страна» № 2133) представители 26-ти патриотических организаций заявили, что приглашенные на «Конгресс соотечественников», русского на-

рода не представляли: «мы категорически против «конгрессов» с фальшивым представительством... предлагаем провести в конце 1991 начале 1992 годов в одном из городов России совещание национально мыслящих русских людей, пригласив на него русских по сути, а не по самоназванию».

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Нам пишут из Москвы:

С. Фомин написал в «Нашем Современнике» № 7 за 1991 год, что «вся Царская Семья с оставшимися ей верными до конца людьми была умерщвлена без суда и следствия. За какие-то минуты, по существу, была прервана связь времен. Кто-то решил всерьез посчитаться с прошлым, порвать с многовековой историей; вырвать и развеять по ветру тысячи страниц, исписанных десятками поколений — вытравить о них всякую память и начать все с чистого листа... И пока мы не поймем кто это решил за нас, вряд ли сумеем снять заклятие, а значит и вернуться к себе домой, к нормальной жизни».

Автор отметил затем, что «самое удивительное в этом запутанном деле — смычка наших советских лгунов с вралями зарубежными, буржуазными. Достаточно вспомнить некоторые кадры из нашумевшего в свое время американского гала-фильма «Николай и Александра»: толпа русских людей, пытающихся покончить самосудом с Царской Семьей; цареубийцы с типично русскими лицами. Нет нужды полемизировать с этой грязной страпней. Просто назовем ее авторов: С. Шпигель, Ж. Гольдштейн и др. Оказывается внешне можно исповедовать разные (и даже антагонистические) политические убеждения, но одинаково замазывать определяющую роль в цареубийстве революционного еврейства... Цель этих подтасовок одна — доказать, что Царя, его

Семью и слуг убили сами русские. Доказать во что бы то ни стало, пусть даже вопреки фактам. Документы, однако, вещь упрямая».

Тем не менее, в заключение С. Фомин написал, что «говоря об активнейшем участии евреев в расправе над Императором, его Семьей и слугами, мы отнюдь не обвиняем еврейский народ. Речь идет о тех изуверах, которые в конечном счете являются врагами и своего народа. Об этом честно написал недавно Лев Сигаль на страницах выходящей в Москве «Еврейской газеты» (12-3-1991, стр. 4): «И трагедия наша и наш грех — активное участие в революционном движении...»

О СЛИЯНИИ ЦЕРКВЕЙ

Нам пишут из Москвы:

Проживающий в Си-Клифе, США настоятель прихода Русской Зарубежной Церкви протоиерей Митрофан Зноско-Боровский написал в «Литературной России», о том как он себе представляет процесс слияния Зарубежной Церкви с Матерью-Церковью.

«Полагаю, что это произойдет на Поместном Соборе Церкви Российской, когда она обретет действительную, фактическую свободу, а не призрачную, какую имеет ныне. Тогда будет созван Поместный Собор Церкви всея Руси, в котором примут участие все епископы и епископат Русской Зарубежной Церкви. На этом соборе Святейший Патриарх и все епископы, связавшие себя с ЦК КПСС и КГБ, должны заявить о своем уходе на покой, с тем чтобы Собор избрал нового Патриарха или же просил уходящего Святейшего продолжать свое патриаршее служение. Тот же Собор, приняв отставку епископов, или оставляет их на их кафедрах, или переводит на другие кафедры, или отчисляет за штат».

В отзыве на статью о Митрофане, патриарх Алексей Второй, в частности, написал: «Насчет обвинения в моей связанности с ЦК КПСС и КГБ. В каком, интересно, по мнению наших оппонентов, управлении КГБ мне внушили выступить против католической экспансии в России или против насилия в Вильнюсе, требовать возвращения храмов и восстановления прав Церкви? И в каком отделе ЦК мне порекомендовали сказать о тоталитарной природе самой идеи «научного социализма», и выступить с решительным осуждением призывов к гражданской войне?»

Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский побывал недавно в России и пожертвовал 8.000 долларов на возрождение храма Христа Спасителя.

ОТКЛИК НА ГАЗЕТУ

Нам пишут из Вологды:

Издание вологодской писательской организации, газета «Эхо», воспроизвела из «Нашей Страны» отрывок из интервью, взятого Н. Л. Казанцевым у писателя Владимира Солоухина.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК

Нам пишут из Твери:

Здесь состоялся народный праздник «За Веру, Царя и Отечество». Под гербом и флагом Государства Российского на самодельной звоннице звучали древние колокола. Перед глазами каждого будто проходили отдельные страницы неискаженной истории отечества. Народное общество возрождения мужских воинских традиций Древней Руси «Вольница» показало учебный рукопашный бой. А далее — русскую славу представлял военно-исторический клуб «8-ой Гренадерский Московский полк», который — настоящий, конечно, долгое время квартировал в Твери. Его руководителем является капитан армии С. В. Прищепа.

С интересом знакомились тверичи и с выставками «Русское дело в эпоху плюрализма», где была представлена вся патриотическая пресса страны и «Геральдические традиции».

БЕЛЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Нам пишут из Москвы:

Издательство «Российский архив» вслед за книгой И. А. Ильина «О России» опубликовало сборник «Трагедия Белой Армии». В него вошли никогда не публиковавшиеся в нашей стране труды генерала А. И. Деникина «Кто спас советскую власть от гибели» и генерала А. А. фон Лампе «Причины неудачи вооруженного выступления белых». По вопросам приобретения книги можно обращаться в Москве по телефонам: 299-14-60 или 299-06-19.

В 25-ю годовщину со дня смерти редактора «Нашей Страны», генерального секретаря Российского Народно-Монархического Движения

**ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА
ДУБРОВСКОГО**

и по случаю исполняющихся девяти с половиной лет со дня смерти редактора-издателя «Нашей Страны»

**ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ДУБРОВСКОЙ
урожденной КИРЕЕВОЙ**

в воскресенье 17 ноября с. г. в буэносайресском Кафедральном Соборе Воскресения Христова, после Божественной литургии будет отслужена панихида.

9-го октября 1991 года в Буэнос Айресе тихо скончалась

**АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА ЯСТРЖЕМБСКАЯ
урожденная ВЕРБЛЮДОВА**

**17-го ноября в 40-й день смерти, после Божественной литургии, в Кафедральном соборе Воскресения Христова будет отслужена панихида по усопшей.
О чем извещают скорбящие сын и невестка.**